Три дня в здании Большого театра показывали спектакль знаменитого кино- и оперного режиссера Франко Дзеффирелли «Травиата» в рамках гастролей театра Верди из итальянского города Бусетто, где, собственно, и родился великий композитор

Илья КУХАРЕНКО

канонизировали куртизанку

«Травиата» Дзеффирелли в Большом

Стефания Бонфаделли эффектно «доживала» последние минуты своей героини — Виолетты Валери

Фотограф: Игорь Захаркин/Газета

газета — 2003 — 15 дек. — С. 13

Несмотря на то что Бусетто — маленький провинциальный город, театр Верди может себе позволить звезд первой величины. В Москву приехала юная Стефания Бонфаделли, чью Виолетту с радостью слушают на лучших сценах мира, и легендарный баритон Ренато Брузон.

Итальянцы позаботились и о страховке, которая стала обязательным условием гастролей и осуществлялась компанией «АльфаСтрахование». «Травиату» оценили в полтора миллиона долларов.

Однако с организацией и пиаром гастролей вышло не самым удачным образом. Организаторы не объявили журналистам о пресс-конференции с участием артистов и режиссера, не предоставили прессе нормальных мест, с которых было бы элементарно видно сцену.

Под знаменитое призрачное тремоло скрипок открылся занавес Большого и показалась фигура больной Виолетты neglije, с шалью на сутулых плечах. Три поворотных круга, отделенных друг от друга плексигласовыми прозрачными стенами, медленно вальсировали в трехдольном размере увертюры. На черном мраморном полу лежали укутанные в белый газ бездыханные женские тела. Начало было неожиданным — Дзеффирелли словно вспоминал всех умерших по его режиссерской воле куртизанок, по числу поставленных им «Травиат» на оперных сценах мира.

Но как только началась сцена бала, все надежды на новации улетучились. Дамы встали, сбросив белые вуали, и закружились в танце. Режиссер точно следовал структуре своего киношедевра — тот же контраст матово-желтого освещения бальных сцен и призрачной синевы альковных, буквально те же платья на главной героине. Даже во втором дуэте Виолетты и Альфреда героиня взъерошила кудри любовника в том же самом месте партитуры. Конечно, в распоряжении скромного провинциального театра не было ни буафорской роскоши киностудии Cinecitta, ни потрясающего художника по свету Джанни Куаранта. Поэтому «водный», дымчатый фильтр кинокамеры заменил плексиглас, на заднике появлялись то гризайль ампириной портьеры, то некие «фотообои» с сельским пейзажем, а вся поэзия загородной виллы уместилась

в самом центре стеклянного цилиндра — Дзеффирелли поместил туда инсталляцию заросшего зеленью фонтана.

Впрочем, надо отдать должное, все это смотрелось очень эффектно, хотя слезы не наворачивались. Молодая Стефания Бонфаделли, очень хорошо певшая Виолетту, вполне точно следовала рисунку роли, созданному еще для знаменитой гречанки Терезы Стратас, однако и ее актерская фактура, и сценический темперамент — совсем иного свойства. Бонфаделли — актриса субреточного плана, поэтому и платья, и жесты, и истерика Стратас ей были явно великоваты. Ренато Брузон в роли старого Жермона, несмотря на все вокальные проблемы и солидный возраст, брал харизмой и свои овации заслужил по праву. Массимо Джордано в роли Альфреда был вполне убедителен и сладкоголос. Сорвал овацию и специально приглашенный на бал у Флоры испанский балет Balletto Sagnolo di Lucia Real & El Camboio, виртуозно сопроводивший музыку Верди дробью кастаньет и каблучков. В фильме в этом месте танцевала Екатерина Максимова и Владимир Васильев. Подкачал разве что оркестр во главе с Массимилиано Стефанелли, но, впрочем, от провинциального итальянского театра можно было ожидать и гораздо худшего.

Возможно, великому режиссеру за два десятка лет просто больше ничего не пришло в голову по поводу этого оперного сюжета, и он машинально повторил сказанное ранее. Так думать проще всего, тем более что со своей фирменной «Тоской», поставленной в 1963-м для Каллас, он поступил точно так же — в постановке Metropolitan в конце восьмидесятых Хильдегард Беренс носила калласовские платья и повторяла ее же мизансцены. Фильм «Травиата» 1982 года в самом деле поставил жирную точку в истории «красивой» оперы на экране — роскошнее и трогательнее киноопера не получилась больше ни у кого, даже у самого Дзеффирелли. Но почему-то кажется, что он повторяется сознательно, с почительностью оперного иконописца, следуя канонам и абрисам предыдущих «золотых» эпох, цитируя себя и своих греческих богинь — Каллас в «Тоске» и Стратас в «Травиате», утверждая тем самым, что тени великого прошлого все же более достойны внимания публики, нежели скандальное оперное настоящее.